

Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

46/1-2 | 2005
La Russie vers 1550

РОССИЯ И ПОЯВЛЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ВОЛГЕ И НА ДОНУ

Igor' O. TJUMENCEV

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8778>

DOI : 10.4000/monderusse.8778

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2005

Pagination : 75-82

ISBN : 2-7132-2055-6

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Igor' O. TJUMENCEV, « Россия и появление казачества на Волге и на Дону », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 46/1-2 | 2005, mis en ligne le 01 janvier 2007, Consulté le 01 mai 2019. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8778> ; DOI : 10.4000/monderusse.8778

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_461&ID_ARTICLE=CMR_461_0075

Россия и появление казачества на Волге и на Дону

par Igor' O. TJUMENCEV

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2005/1-2 - Vol 46

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713220556 | pages 75 à 82

Pour citer cet article :

– O. TJUMENCEV I., *Cahiers du monde russe* 2005/1-2, Vol 46, p. 75-82.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

ИГОРЬ О. ТЮМЕНЦЕВ

РОССИЯ И ПОЯВЛЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ВОЛГЕ И НА ДОНУ В XV - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВВ.

В России будущее иногда создавалось на основе сильно идеализированной, и соответственно искаженной, модели прошлого. Яркий пример тому, современные попытки возрождения казачества по образу и подобию казачьих войск конца XIX-XX вв. Поскольку история казачества в литературе разработана недостаточно¹, модель его прошлого часто воссоздается политиками на основе недавно переизданных сочинений казачьих историков позапрошлого века и эмигрантов². В результате оказались востребованными давно устаревшие гипотезы об автохтонности «казачьего народа» на Дону, Волге и других реках, о происхождении донцов от скифов, сарматов, половцев или бродников³. «Казачий народ» будто бы

1. А. И. Агафонов «История Дона эпохи феодализма в современной советской исторической литературе», *Известия Северо-Кавказского центра высшей школы, Общественные науки*, № 3, 1993; Он же, «Советская историография Донского края эпохи феодализма в начальный период становления и развития (1917 - первая половина 30-х гг.)», там же, № 1-2, 1993; В. В. Мавродин, «Советская историческая наука о крестьянских войнах в России», *Крестьянские войны в России в XVII-XVIII вв.*, М.-Л., 1966; А. П. Пронштейн, «Донское казачество эпохи феодализма в советской исторической литературе», *Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе*, Ростов н/Д., 1972; С. М. Маркедонов, «Концепция автохтонного происхождения казачества в советской историографии 1930-1950-х гг.», *Россия в новое время: Поиск формулы национальной истории*, М., 2001.

2. *Иллюстрированная история казачества*, СПб., 1909; Ф. А. Шербина, *История Кубанского казачьего войска*, Екатеринодар, 1910, т. 1-2; Е. П. Савельев, *История казачества*, Новочеркасск, т. 1-2, 1916; И. Ф. Быкадоров, *История казачества*, Прага, т. 1, 1930; А. А. Гордеев, *История казаков*, М., 1992, ч. 1.

3. Е. П. Савельев, *История казачества*, Новочеркасск, 1918; П. П. Сахаров, «Происхождение донского казачества», *Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы*, Ростов н/Д., 1914, т. 2; И. Ф. Быкадоров, указ. соч.; М. Аджиев, «Мы из рода половецкого», *Из родословной кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев*, Рыбинск, 1992.

пережил монгольское завоевание, русское владычество, подвергся репрессиям в годы советской власти и теперь готов отстаивать свои национальные права⁴. Сложившаяся в общественном сознании и публицистике ситуация грозит значительными социальными проблемами и издержками. Все это делает весьма актуальным проведение специального исследования ранней истории казачества.

Главная проблема в изучении ранней истории казачества заключается в том, что делопроизводственная документация в казачьих войсках появилась довольно поздно, так как для казаков письменное дело ассоциировалось с утратой «воли». Казачьи исторические предания, записанные в XVIII-XX вв. с большим трудом поддаются интерпретации. Именно поэтому данные о первых казаках приходится собирать буквально по крупицам из разных типов источников, вышедших не из казачьей среды. Первостепенное значение имеет делопроизводственная документация Посольского приказа. Содержащиеся в ногайских, крымских, кавказских, сибирских и пр. делах и книгах отрывочные данные о казаках написаны по горячим следам событий, содержат уникальную информацию, которая может быть положена в основу исследования и использована для критической проверки показаний других источников: летописей, сказаний, записок иностранцев, исторических преданий и легенд⁵.

В литературе высказывались различные суждения о происхождении слова казак из монгольского, адыго-абхазского, тюркского, индоевропейских языков⁶. В начале 90-х годов XX в. Н. А. Мининков, не входя в тонкости споров филологов, обратил внимание на то, что во всех языках слово казак содержало социальный смысл. Казак – свободный человек, бродяга, по каким-то причинам порвавший с прежним укладом жизни, наемник⁷.

4. *Сборник нормативных документов по вопросам возрождения казачества в Волгоградской области*, Волгоград, 1994; *Возрождение казачества: история, современность, перспективы*, Ростов н/Д., 1995; *Некоторые проблемы истории казачества Волгоградской области*, Волгоград, 1997; *Становление казачьего самоуправления*, Ростов н/Д., 1998; *Союз казачьих войск России и зарубежья*, Ростов н/Д., 2000; С. М. Маркедонов, «От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников "Вольного казачьего движения")», *Ab imperio*, № 3, 2001.

5. Н. А. Мининков, *Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)*, Ростов н/Д., 1998; А. И. Агафонов, *История Донского края XVI-первая половина XIX вв.: исторические источники и их изучение*, Ростов н/Д., 2001; С. А. Козлов, *Кавказ в судьбах казачества XVI-XVIII вв.*, СПб., 2002.

6. П. О. Бутков, «Имени казак», *Вестник Европы*, № 21, 1822, с. 193; Н. Марр, «Кавказский культурный мир и Армения», *Журнал Министерства народного просвещения*, Новая серия, 1915, Июнь, ч. 7, с. 286; Д. Коков, «К истолкованию топонима "Черкассы" и слова "казак"», *Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета*, Серия филологическая, Нальчик, Вып. 25, 1965, с. 4-5; Г. Ф. Благова, «Исторические взаимоотношения слов "казак" и "казах"», *Этнонимы*, М., 1970, с. 144.

7. Н. А. Мининков, *Донское казачество на заре своей истории*, Ростов н/Д., 1992, с. 64.

Этнонимом это слово стало много позднее для определения казахского народа⁸.

Новейшие исследования, посвященные истории Золотой Орды и образовавшихся на ее развалинах Большой, Ногайской Орд, Казанского, Крымского, Астраханского и Сибирского ханств не оставляют сомнений в том, что зарождение казачества было непосредственно связано с процессами протекавшими в Диком Поле в конце XIV-XV вв. Исследователи - кочевниковеды давно установили, что первоначально казаками назывались представители кочевнических обществ и государств, утратившие связь со своими родами, общинами и ведущие бродячий образ жизни⁹. Бесконечные междоусобные войны, разорявшие ордынские улусы и лишившие их родных юртов, породили новое явление. Целые группы кочевников вместе со своими князьями, выбитые из привычных условий жизни, стали превращаться в казаков, создавать сообщества, жившие в основном за счет наемничества и грабежа. Они стремились отвоевать себе юрты на периферии Золотой Орды. Казаками были основатели Казанского ханства Улу – Мухаммед и Мамутяк, царевич Мустафа, Ибак Шибанский, погубивший хана Ахмата и севший на ханство в Тюмени. Источники прямо указывают на этническую принадлежность казачьих сообществ этого типа: «татаровя ордынские казаки». Имена атаманов тоже явно тюркские: Тошемек, Девлет-Хозя, Кадим Кудинов и т.д.¹⁰. В конце XV-начале XVI вв. казачьи станицы этого типа нанимались на службу к казанским, крымским и астраханским ханам, ногайским князьям, московским государям, получая нередко обозначения от имени нанимателей: *ордынскими, казанскими, астраханскими, крымскими, ногайскими, московскими казаками*¹¹. Со временем они оставили вольную жизнь в степи и составили ядро служилых татар, которых стали называть по местам расселения: *азовскими, городецкими (мещерскими, касимовскими)*¹², *романовскими*.

В процессе распада Золотой Орды были разрушены и запустели некогда цветущие ордынские города и поселения земледельцев в лесостепной зоне на пограничье Орды, которые в XIII-XIV вв. прослеживаются как по письменным¹³, так и по археологическим источникам¹⁴. Значительные

8. Г. Ф. Благова, указ. соч.

9. М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, Саранск, 1960; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, М., 2002, с. 82, прим. 16.

10. *ПСРЛ*, т. 25, М.-Л., 1949, с. 250.

11. *ПСРЛ*, т. 12. М., 1965, с. 250; т. 25. с. 386; т. 37, Л., 1982, с. 85; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в XVII в.*, М.-Л., 1948, с. 13, 15.

12. Казаки, возглавляемые царем Касимом, были помещены в Городке на Мещере. В это время их называли городецкими или мещерскими. В конце XVI в. Городец стал именоваться Касимовым, а жившие здесь служилые татары - касимовскими.

13. *АИ*, СПб., т. 1, 1841, с. 1-4.

группы населения, жившие земледелием и ремеслом, так же как кочевники оказались выбиты из привычных условий жизни и, судя по рассказам современников, были вынуждены искать иные источники существования¹⁵. В верховьях Дона, Донца и Оки в конце XIV-XV в., по меткому наблюдению Н. А. Мининкова, образовался своеобразный «медвежий угол», где, вне поля зрения русских летописцев и литовских хронистов, могло сохраниться «показавшееся» население Северщины и Черного Яра¹⁶. В пользу этой гипотезы свидетельствуют наблюдения этнологов, которые проследили прямую преемственность между золотоордынскими и традиционными жилищами донских казаков – верховцев¹⁷. В конце XV-начале XVI в. именно в этих местах появились первые неочевые казачьи сообщества, которых называли по местам их проживания «рязанские казаки» и «севрюки»¹⁸. Важно отметить, что московские власти, в отличие от казаков первого типа, не называли этих казаков татарами, но и не считали их своими подданными, категорически запрещая великокняжеским людям вступать в их сообщества¹⁹. Именно в это время закладываются основы будущей двойственной политики московских властей в отношении вольного казачества, которая включала казалось бы противоречивые стремления остановить бегство русских людей в казаки и, одновременно, поставив казачество себе на службу, поддерживать и использовать его в борьбе против степняков.

Первая половина XVI в. стала важным этапом в становлении вольного казачества. Гибель Большой Орды 1502 г. окончательно превратило низовье Волги и Дона из некогда цветущего центра Великой степной

14. А. А. Шенников, *Червленьый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв.*, Л., 1987; М. В. Цыбин, «Юго-Восточная окраина Руси во второй половине XII-XIV вв. (район Среднего Подонья)», *Социально-экономическое развитие древних обществ и археология*, М., 1987, с. 167-176; Он же, «Древнерусские памятники второй половины XII-XIV вв. в Среднем Подонье», *Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи*, Воронеж, 1987, с. 36-51; Он же, «Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII-XIV вв.», *Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции)*, Воронеж, 1993; Он же, «Археологический комментарий к грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о Червленом Яре», *Святой князь Михайло Чернігівський та його доба. Матеріали церковно-історичної конференції*, Чернігів, 1996, с. 105-108; М. И. Гонянный, А. В. Шишков, «К вопросу о древнерусских городищах XII-XIII вв. в бассейне Верхнего Дона», *Археология и история Юго-Востока Руси*, Курск, 1991; Н. А. Тропинин *Елецкая земля в XII-XV вв.*, Елец, 1999; М. И. Гонянный, *Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV вв. района Куликова поля*, Автореф. дисс... канд. истор. Наук, М., 2003.

15. *ПСРЛ*, т. 11, М., 1965, с. 96.

16. Н. А. Мининков, *Донское казачество*, с. 62.

17. М. А. Рыблова, *Традиционные поселения и жилища донских казаков*, Волгоград, 2002.

18. *ПСРЛ*, т. 12, с. 62; т. 26, М., 1959, с. 126; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. 2, т. 6, М., 1989, с. 12; т. 8, прим. 325.

19. *ПСРЛ*, т. 12, с. 62; т. 26, с. 126.

державы в пограничье между Крымским ханством, Ногайской Ордой, Казанским ханством и Россией. Здесь стали активно «гулять» казачьи станицы, нанимавшиеся на сторожевую и военную службу правителям России, Крыма, Ногайской Орды²⁰. Московские власти сразу же оценили возможности, которые открывало перед ними сотрудничество с казаками в борьбе с татарскими набегами. Василий III и его советники создали благоприятные условия, для казаков, нанимавшихся к ним на службу и стремились использовать в своих интересах любые раздоры между казаками и татарами. Русские дипломаты усиленно предлагали казакам поступать на «государеву службу» и не скупилась на обещания²¹.

Во второй четверти XVI в. «ручеек» беглых из России и Речи Посполитой в казачьи станицы на пограничье, по всей видимости, превратился в «поток», который явно захлестнул «ручейки» беглецов из других государств. Во время переговоров с ногайцами в 1538 г. московские власти констатировали стремление «государевых» служилых казаков вести вольную жизнь в Диком Поле:

На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаков, а иных *наших украин* казаки, с ними смешавшись ходят [курсивом выделено нами, И. Т.]²².

Не прошло и десяти лет как путивльский воевода кн. Троекуров в донесении великому князю нарисовал уже несколько иную картину:

Ныне, Государь, казаков на Поле много; и черкасцев, и кыян и твоих государевых, вышли, Государь, на Поле изо всех украин...²³.

К тому времени, как видно из источников, роль славянского элемента в вольных казачьих станицах резко возросла.

В 1538 г. вольные казаки, почувствовав силу, попытались закрепиться на постоянное жительство на Дону и Волге. Атаман Сары-Азман объединил значительную часть вольных казачьих станиц и построил первые городки в низовьях Дона и на Переволоке. Казаки объявили себя подданными московского государя и начали из своих городков нападать на степняков. Судьба атамана Сары-Азмана и его товарищей остается не выясненной, так как о них больше нет упоминаний в источниках. Все же изгнать вольные сообщества с Дона и Волги татарам и туркам не удалось²⁴. В 1564 г., разрывая только что подписанный мирный договор, крымчаки заявили, что

20. РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 2, л. 230.

21. Сб. *РиО*, т. 95, СПб., 1895, с. 128, 129, 613, 618.

22. *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489-1549 гг.*, Махачкала, 1995, с. 230-231.

23. РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 2, л. 230; В. Д. Сухоруков, *Историческое описание Земли войска Донского*, Новочеркасск, 1903, с. 3.

24. Сб. *РиО*, т. 95, с. 101, 128, 231, 613, 618; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, т. 8, М., 1989, прим. 245; РГАДА, ф. 127, кн. 2, л. 280; кн. 3, л. 135, 137, 144; кн. 4, л. 38-40.

Московский государь якобы «города ставит по Дону». Поскольку русское правительство в тот момент никаких крепостей на Дону не возводило, то речь в данном случае, видимо, шла о казачьих городках. Примерно в это же время ногаи во время переговоров с царским посланником прибегли к дипломатической уловке. В надежде на то, что царь в сложившейся ситуации не решится обострять отношения с турками и примет меры против казаков, ногаи заявили, что якобы султан жаловался ногайским послам, что царь Иван чинит ему великую обиду :

Поле де все, да и реки у меня поотымал, да и Дон от меня отнял... поотымал всю волю в Азове: казаки его с Азова оброк емлют, и воды из Дона пить не дадут; а крымскому де царю потому ж обиды чинят великие, какую де соромоту казаки крымскому царю учинили пришед, Перекоп воевали; да казаки Астрахань взяли [...]»²⁵ .

Источники свидетельствуют, что именно в это время казакам удалось закрепиться на Дону и Волге.

Анализируя дипломатическую переписку исследователи обратили внимание, что в 1549 г. Иван Грозный в своем послании впервые употребил термин *донской* казак: «велел казакам своим путимльским и донским крымские улусы воевати и недружбу царю делати»²⁶. Процитированная фраза позволяет сделать важное наблюдение. Она отражает новые реалии сложившиеся на лесостепном пограничье и обнаруживает прямую преемственность между *севрюками* и *путивльскими* казаками, а также между *рязанскими* и *донскими* казаками. Примечательно, что для наименования первых казачьих поселений на Волге и Дону использовались славянские слова «городки», «остроги», а не тюркские термины, как это было на раннем этапе формирования казачества. Все эти факты дают основание предположить, что завоевание Казанского и Астраханского ханств открыло беглому русскому люду удобную дорогу в низовья Волги, на Дон, Яик и Терек. Потрясения же Ливонской войны и опричнины способствовали быстрому численному росту и усилению вольного казачества. Если в начале царствования Иван Грозный заявлял, что «на Поле *ходят* казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаков, а иных наших украин казаки, с ними смешавшись ходят...»²⁷, то в 1584 г. русский посол Б. Благой уже сообщал царю только о русских казаках: «На Дону близко Азова *живут* казаки – *все беглые* люди: иные казаки тут и *постарились живучи*.»[курсивом выделено нами, И. Т.]²⁸ Это, по всей видимости и было

25. РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 4, л. 39 об - 40, кн. 9, л. 157-157 об.; А. А. Новосельский, указ. соч., с. 19-22.

26. РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 3, л. 86.

27. *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой*, с. 230-231.

28. *ДАИ*, СПб., 1846, т. 1, № 117; В. Д. Сухоруков, указ. соч., с. 3.

первое поколение *донских и волжских* казаков, согласно поздним легендам, получившее от доброго царя Ивана в жалование Дон²⁹.

Вольные волжские и донские казаки XVI-середины XVII вв. наряду с военным делом промышляли охотой, рыболовством, бортничеством и никогда не занимались земледелием. Лошадей казакам заменяли речные суда – струги. В случае нападения, немногочисленная казачья станица в любой момент могла выйти на стремнину реки, становилась недостижимой для противника. Трудные времена для первых казаков наступали в зимнее время, когда степные реки сковывал лед, и они становились беззащитными перед степняками. Неслучайно в эту пору многие из них искали прибежище в пограничных крепостях, где нанимались на службу, получали деньги, продовольствие, снаряжение, иногда в виде прямых пожалований, иногда через разрешенную властями торговлю³⁰.

В советской историографии бытовало мнение, что основную массу беглецов из России составляли крестьяне. С этим трудно согласиться. Не имевшие боевого опыта пахари имели мало шансов выжить в Диком Поле. Поэтому, на наш взгляд, правы те историки, которые полагают, что в Дикое Поле уходили искать счастья прежде всего разорившиеся служилые люди: городовые дети боярские, стрельцы, боевые холопы, посадские, а отнюдь не крестьяне³¹. Об этом прямо писал в начале XVII в. Авраамий Палицын³². Еще в 60-х гг. XVII в. Григорий Котошихин, говоря о тех людях, которые шли в казаки, на первое место поставил служилых людей, потом торговых, а о беглых крестьянах говорил в последнюю очередь:

А люди они порою москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были к казни [...] ³³.

В литературе также высказывались различные суждения относительно социальной природы первых казачьих станиц³⁴. Нам представляется, что правы те исследователи, которые полагают, что, попав в экстремальные почти первобытные условия жизни, беглые «воинники» и прочие деклассированные элементы были вынуждены создавать весьма архаичные воинские сообщества во многом сходные с полиэтническими дружинами

29. *Иллюстрированная история казачества*, Волгоград, 1994, с. 23.

30. А. Л. Станиславский, *Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории*, М., 1990, с. 11.

31. Р. Г. Скрынников, *Сибирская экспедиция Ермака*, Новосибирск, 1982, с. 62; Н. А. Мининков, *Донское казачество*, с. 76-78.

32. А. Палицын, *Сказание*, М.-Л., 1955, с. 255-256.

33. Г. Котошихин, *О России в царствование Алексея Михайловича*, СПб., 1906, с. 136.

34. А. Ю. Дворниченко, «О ранних казачьих сообществах», *Исторический опыт русского народа и современность*, СПб., 1994, с. 107-110.

первых новгородских, полоцких и киевских князей с их примитивной иерархией, беспрекословным подчинением и жесткой дисциплиной которая поддерживалась самыми крайними методами вплоть до казни провинившегося. Черты сельской соседской общины казацкие станицы стали приобретать лишь с распространением на Дону земледелия с конца XVII ст.

Ретроспективный анализ немногих сохранившихся данных по ранней истории казачества позволяет прийти к заключению, что оно зародилось в ходе распада Золотой Орды, в следствии «показачивания» местного населения. Беглецы из ордынских поселений на лесостепном пограничье положили начало служилым и вольным казакам, «жившим в стругах» и промышлявшим военным наймом, охотой, рыболовством и бортничеством, тогда как изгнанники из татарских улусов – казакам-кочевникам, которые со временем составили ядро служилых татар на Руси. В первой половине XVI в. определяющими факторами в развитии казачества стали социально-политические процессы, протекавшие в России и Речи Посполитой в эти десятилетия. Они привели к исходу в Дикое Поле значительной части деклассированных элементов – обедневших служилых людей, боевых холопов, посадских и в редких случаях крестьян. Набирающие силу казацкие станицы сначала стали «гулять», а с конца 30-х годов XVI в. – «жить» на Дону и Волге. Первые казацкие сообщества имели ярко выраженные черты архаических военных полиэтничных сообществ. Гипотеза об «автохтонном казачьем народе» на Дону не находит подтверждения в источниках. Необходимо подчеркнуть, что вольное казачество формировалось и закреплялось на новых местах, пользуясь поддержкой Московского государства, которое изначально стремилось добиться постепенного включения казаков в структуру служилого сословия Российского государства.

Южный научный центр Российской академии наук

tijumencev@mail.ru